

ИЗМЕНЕНИЕ УСТОЯВШИХСЯ СТЕРЕОТИПОВ В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ И ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА НАКАЗАНИЯ

В.М. ХОМИЧ,
доктор юридических наук,
профессор, заместитель
директора Института
переподготовки и повышения
квалификации судей,
работников прокуратуры,
судов и учреждений
юстиции Белорусского
государственного
университета

Оценка уголовной политики после введения в действие Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года (далее – УК) является неоднозначной. С одной стороны, существенно расширены правовые возможности применения альтернативных наказанию (и, прежде всего, лишению свободы) уголовных санкций, которые, к сожалению, применяются не так широко как прогнозировалось. С другой стороны, произошло несоответствующее уровню криминальной ситуации в республике ужесточение карательных санкций по большинству преступлений. Как следствие, в правосудии по уголовным делам наблюдается возмездно-карательный уклон, приведший к кризису системы наказаний, утрате воспитательных начал их применения (назначения и исполнения). Теряют свою предупредительно-функциональную значимость институты амнистии, условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким наказанием. Причины такого кризисного состояния в уголовной политике достаточно сложные с точки зрения их восприятия на уровне как общества, так и догматического толкования уголовного закона.

Тезис о том, что *уголовная политика сегодня должна быть социально ориентированной* и по возможности не сопровождаться отрывом осужденного от привычных условий, в которых происходит процесс нормальной жизни человека, должен стать приоритетным. Конечно, подобная направленность вовсе не означает отказа от применения строго изоляционных мер наказания (лишение свободы, пожизненное заключение) для преступников, представляющих серьезную опасность для общества и его граждан в связи с совершением тяжких и особо тяжких насильственных преступлений.

В качестве исходной позиции для применения альтернатив лишению свободы судам необходимо при осуществлении правосудия по уголовным делам и определении меры уголовной ответственности исходить не только из психологической сущности вины лица в совершении преступного деяния, но и давать вине социально-нормативную оценку, то есть определять ее степень с учетом социальных факторов, предопределивших преступное поведение. Ориентация в нынешнем уголовном судопроизводстве только на психологическую концепцию вины не в состоянии обеспечить индивидуализацию ответственности. Психологическое понимание вины сориентировано на обращенные к правонарушителю требования, которые обусловлены только наличием запрета, установленного государством. При этом совершенно игнорируются социальные факторы, виктимизирующие и оправдывающие поведение

РЕЗЮМЕ

В статье дается общая оценка белорусской уголовной политики после введения в действие Уголовного кодекса 1999 года. Отмечается, что в Республике Беларусь сложилась критическая ситуация с организацией исполнения такого наказания как ограничение свободы.

преступника. Именно нормативное понимание вины для суда есть правовая предпосылка обсуждения как социального фактора (общественной опасности) преступления с учетом установленного уголовным законом под угрозой наказания запрета, так и степени оправданного упрека к деятелю, его нарушившему. Без этого невозможно правосудие по уголовным делам и, следовательно, возможное смягчение карательной политики. В практическом отношении нормативная оценка вины выражается в установлении не более как **степени вины** лица, совершившего преступление. Однако и советское уголовное законодательство, и ныне принятое не рассматривало и не рассматривает эту категорию в качестве исходной посылки при индивидуализации меры ответственности. В статье 62 УК (Общие начала назначения наказания) нет даже упоминания о том, что суд избирает меру наказания с учетом степени вины лица в совершенном преступлении, хотя социальная сущность преступного поведения никем не оспаривается. Адекватная оценка социальной сущности преступления возможна только на основе включения нормативной (оценочной) версии вины в самую плоть правосудия по уголовным делам. Так называемая нормативная концепция вины не требует строго законодательного регулирования, поскольку она есть имманентное свойство принципа справедливости в правосудии.

Прогнозируемое в начале реформ более широкое применение наказаний и мер уголовной ответственности, альтернативных лишению свободы базировалось на стратегии определенного риска, который предполагалось нейтрализовать более высоким уровнем организации их исполнения и, соответственно, созданием специализированных органов, способных это обеспечить.

Такая система организации исполнения альтернативных лишению свободы уголовных санкций в Республике Беларусь еще не сформирована.

Исполнение наказаний в виде общественных и исправительных работ, осуществление контроля за отбыванием наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в отношении осужденных к данному наказанию в качестве основного или дополнительного к наказанию, не связанному с ограничением или лишением свободы), а также контроль за поведением осужденных с отсрочкой исполнения и с условным применением наказания были возложены на уголовно-исполнительные инспекции. Без структурной реорганизации и увеличения штатной численности сотрудников они не смогли обеспечить надлежащее и эффективное исполнение указанных уголовных санкций. Организационно и материально уголовно-исполнительные инспекции все еще находятся вне системы департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь. Более того, отчетливо проявляется тенденция отхода от намеренной формирования завершённой и профессионально выстроенной системы органов по исполнению уголовных санкций, не связанных с ограничением или лишением свободы. Это существенно **дезориентирует** общество и правосудие в необходимости применения альтернативных лишению свободы видов наказания и мер уголовной ответственности.

Исполнение альтернативных лишению свободы наказаний и иных мер уголовной ответственности предполагает осуществление надлежащего и постоянного профилактического контроля за осужденными, отбывающими соответствующие меры уголовной ответственности в условиях свободы. К сожалению, ниче-

го более или менее подобного в практике деятельности уголовно-исполнительных инспекций не наблюдается. Они с трудом справляются даже с постановкой на учет осужденных к альтернативным лишению свободы видам наказания и мерам уголовной ответственности. Как-либо серьезных мер со стороны государства по изменению ситуации не предпринимается уже на протяжении пяти лет.

На законодательном и практическом уровнях **сохраняется назначение несопоставимого наказания за преступления, не представляющие значительной опасности**. Многочисленные попытки высшей судебной инстанции (Верховного Суда Республики Беларусь) стабилизировать тенденцию на резкое снижение применения лишения свободы за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности, и за менее тяжкие преступления, пока остаются безуспешными. Из 20587 осужденных к лишению свободы в 2003 году 1966 человек осуждено к данной мере наказания за совершение **преступлений, не представляющих большой общественной опасности**, а 8323 человек – **за менее тяжкие преступления**. Таким образом, около 50% лишенных свободы – это лица, осужденные за совершение **нетяжких преступлений**. Не улучшилась, а еще более усугубилась ситуация в 2004 году (из 20021 осужденного к лишению свободы к данному наказанию осуждены за нетяжкие преступления 12594 лица, или более 60%).

Как результат, в стране нет устойчивой и сбалансированной уголовной и судебной политики в области применения **лишения свободы**, что в конечном итоге **привело к деформации этого наказания как средства изоляции от общества действительно опасных преступников**. Самое печальное то, что лишение

свободы утрачивает свойства радикальной карательной меры для большинства населения, так как оно применяется повсеместно и повсеместно происходит освобождение от его отбывания по амнистиям, которые проводятся практически ежегодно.

Между тем, очевидно, что пределом кары в системе наказания может (и должно) быть только **лишение свободы**. Его следует применять к преступникам, нахождение которых на свободе небезопасно для общества и его граждан. Социальное отношение к лишению свободы как к **высшей исключительной каре** за совершенное преступление – есть та основа, на которой должна строиться система уголовных санкций и дифференциация уголовной ответственности.

Общий негативный фон карательной политике на основе УК создает чрезмерное и неоправданное завышение карательных санкций за большинство преступлений. Однако следует обратить внимание и на проблему классификации преступлений по степени их тяжести, которая составляет базовую основу дифференциации и индивидуализации уголовных санкций при назначении наказания.

Если классификация преступлений по степени их тяжести составляет основу для базирования дифференциации мер уголовной ответственности, то она должна основываться только **на объективных свойствах опасности конкретного преступления**, а не на субъективных качествах деятеля, совершившего преступление (повторность совершения преступного деяния, наличие рецидива). Особенная часть УК достаточно подробно дифференцирует уголовную ответственность за конкретные преступления с установлением соответственно строгих санкций и по квалифицирующим признакам, которые относятся только к характеристике деятеля.

Выход из создавшего положения, на наш взгляд, состоит в том, чтобы:

снизить по целому ряду наиболее распространенных преступлений уровень наказуемости до шести лет и тем самым перевести эти преступления в категорию менее тяжких;

устранить несогласованность института классификации преступлений с общими началами (правилами) назначения наказания и системой дифференциации уголовной ответственности на уровне Особенной части УК, дополнив статью УК, предусматривающую классификацию преступлений по степени их тяжести, следующим положением:

«При установлении судом категории тяжести совершенного преступления, квалифицирующие обстоятельства субъективного характера, связанные только с более высокой степенью общественной опасности лица, совершившего преступление, независимо от пределов наказуемости данного преступления с учетом таких квалифицирующих обстоятельств, не влияют на изменение категории тяжести преступления по сравнению с основным видом данного преступного деяния».

Это позволило бы на уровне классификации преступлений снять ограничения для применения альтернативных лишению свободы уголовных санкций, если суд в пределах санкции назначит за совершенное преступление наказание в виде лишения свободы в пределах до пяти лет, хотя в соответствии с санкцией за данное преступление при наличии повторности или судимости может быть назначено лишение свободы и на срок более шести лет.

Касаясь проблемы дифференциации уголовной ответственности, нельзя оставить без внимания проблему индивидуализации наказания при рецидиве преступлений. Ответственность за рецидив преступлений дифференциру-

ется на уровне общих начал назначения наказания и в статьях Особенной части УК. При таком положении применение правил статьи 65 УК должно быть ограничено только случаями рецидива, основанного на наличии неоднократной повторности преступлений (не менее двух судимостей до совершения нового умышленного преступления, за которое лицо осуждается). Эти правила должны применяться независимо от того, предусматривает или не предусматривает статья Особенной части УК рецидив в качестве квалифицирующего признака.

Законодательное положение в части второй статьи 65 УК следовало бы сформулировать следующим образом:

«При неоднократном рецидиве преступлений, то есть при осуждении лица, которое ранее дважды или более осуждалось за совершение умышленного преступления, срок наказания за рецидив не может быть менее половины, за опасный рецидив – менее двух третей, а за особо опасный рецидив – не менее трех четвертей максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение данного преступления».

Существенной задачей в контексте расширения альтернатив лишению свободы является более широкое применение штрафа за совершение нетяжких, а также тяжких преступлений корыстного характера.

Использование штрафа как меры наказания зависит от оптимального объема карательного воздействия, определяемого размером подлежащей взысканию суммы. «Репрессивность» штрафа зависит и от материального положения осужденного. Учет этих двух моментов при определении системы штрафа в качестве уголовного наказания и составляет суть проблемы его дифференциации в зависимости от тяжести совершенного преступления и материального положения виновного. К сожа-

лению, УК не решает данную проблему, придерживаясь так называемой традиционной системы штрафа, при этом в очевидно завышенных размерах. Отсюда уровень применения штрафа с 11% в 2001 году в последующих годах снизился до 3–3,5%.

В основе давно принятой в нашем законодательстве системе установления, применения и исполнения штрафа как меры уголовного наказания лежит **неприемлемое**, на наш взгляд, начало, которое, по существу, превратило денежный штраф в конфискацию (имущественный штраф) посредством возможности его принудительного взыскания за счет имущества осужденного. Сущность штрафа заключается в том, что он есть исключительно **денежное взыскание**, то есть должен устанавливаться на законодательном уровне и применяться судом, исполняться в пределах денежных доходов и сбережений осужденного. Если будет соблюдено это начало на уровне закона и при осуществлении правосудия, то штраф займет доминирующее место в системе уголовных санкций и составит серьезную альтернативу лишению свободы.

В этой связи следует незамедлительно переходить от традиционной для нас системы штрафа к так называемой немецкой или шведской системе, которая принята сегодня практически во всех европейских государствах.

Штраф, как исключительно денежное взыскание, должен назначаться судом в дневных ставках. При этом количество дневных ставок суд устанавливает только с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного в пределах, например, от 30 до 360, а за тяжкие преступления – от 60 до 720 ставок. Размер же дневной ставки определяется судом только с учетом ма-

териального положения виновного, его действительного и возможного заработка, иных источников дохода в пределах от 2 до 60 базовых величин.

Кризисная ситуация сложилась с организацией исполнения такого наказания как **ограничение свободы**. Ежегодно судами республики к данному наказанию в среднем осуждается более 8 тысяч человек (в 2002 г. – 6102; в 2003 г. – 7711; в 2004 г. – 10492), что в среднем составляет 11,5% от всех осужденных. Исполнение наказания в виде ограничения свободы возложено на исправительные учреждения открытого типа (далее – ИУОТ). Указанные образования с большой долей условности можно назвать **учреждениями**, поскольку организационно они функционируют в виде администратий (по аналогии прежних специальных комендатур), которые собственно и должны обеспечить принудительное пребывание осужденных вне места их жительства, а по месту обязательного привлечения к труду, а также надзор за ними в течение всего срока отбывания наказания. Осужденные на время отбывания наказания прописываются по месту нахождения администрации ИУОТ и не могут без разрешения администрации покидать границы территории места привлечения к труду (условно границы данного исправительного учреждения), которые определяются в установленном порядке. Главная проблема в организации исполнения наказания в виде ограничения свободы сводится к наличию в республике районов (мест), нуждающихся в рабочей силе. При этом трудоустройство осужденных в таких местностях предполагает компактное рассредоточение рабочих мест с тем, чтобы осужденные после работы постоянно находились в пределах границ ИУОТ, и был обеспечен надлежащий надзор за ними со стороны администрации учреждения. Ничего подобного у нас не наблюдается.

Кроме того, данное наказание нельзя признать альтернативой лишению свободы. Во-первых, ограничение свободы по своему режиму отбывания практически ничем не отличается от отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии-поселении (по существу является открытой формой исполнения и отбывания лишения свободы). Во-вторых, при большом количестве относительно опасных осужденных (ограничение свободы по рейтингу рассчитано на применение в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления), отбывающих наказание в условиях полусвободы, возникает проблема, каким образом обеспечить за ними надлежащий режимно-профилактический надзор.

Последняя проблема и стала одной из серьезных для нашей уголовно-исполнительной системы. Организовать труд осужденных, отбывающих ограничение свободы таким образом, чтобы прописанные к определенному исправительному учреждению открытого типа осужденные работали компактно на производствах или работах, приближенных к месту расположения администрации учреждения, удастся в редких случаях. Чаще всего осужденные рассредоточиваются на работах, значительно отдаленных от места дислокации администрации учреждения и фактически находятся **вне надзора**, который в таких случаях перепоручается службе участковых инспекторов. Неслучайно уровень осуждения за уклонение от отбывания данного наказания в среднем по республике в 2002–2004 годах составляет более 20% от числа ежегодно осуждаемых к данному наказанию (соответственно осуждено за уклонение от отбывания наказания в 2002 г. – 1587; в 2003 г. – 1339; в 2004 г. – 2136 человек).

В последнее время стало практиковаться отбывание ограничения свободы на дому

(в 2004 г. таких осужденных было уже более тысячи). Конечно, все это делается под «вывеской» гуманизации уголовно-исполнительной политики, против чего трудно что-либо возразить. Предлагается даже закрепить ограничение свободы в таком виде в уголовном и уголовно-исполнительном законах (имеется в виду с отбыванием на дому). Однако в этом случае возникает вопрос, как будет соотноситься такое наказание, например, с исправительными работами или с отсрочкой исполнения назначенного наказания, при которой осужденный обязан в ряде случаев соблюдать режимные ограничения более строгие, чем при отбывании ограничения свободы на дому. Все-таки наказание в виде ограничения свободы мыслилось как принудительная «прописка» осужденного на срок отбывания наказания не по месту жительства. В противном случае это наказание утрачивает свои карательные свойства в качестве самостоятельного наказания. По всей видимости, следует

реорганизовать ограничение свободы в усиленный вариант исправительных работ (например, исправительные работы с ограничением или без ограничения свободы). Тем более, что в определенной реконструкции нуждаются и сами исправительные работы как самостоятельное наказание. Усиление карательных свойств исправительных работ за счет введения элементов ограничения свободы усилило бы надзорную функцию за отбыванием данного наказания. Наконец, это позволило бы усилить уголовно-исполнительные инспекции за счет сотрудников администраций ИУОТ.

Основная причина создавшегося положения заключается в том, что на законодательном и правоприменительном уровне государство придерживается возмездных (карательных) начал при построении и применении уголовных санкций. Совершенно игнорируются рациональные ресоциализационные принципы дифференциации и индивидуализации ответственности как при назна-

чении наказания, так и при его исполнении в силу известного «пенитенциарного» крена в уголовной политике и уголовно-исполнительной практике. Сегодня чрезвычайно актуальной является задача модернизации и укрепления уголовно-исполнительных инспекций как прообраза будущих служб пробации. Опираясь на передовые научные разработки и имеющийся опыт, усилия уголовно-исполнительной науки и системы должны быть направлены на повышение уголовно-исполнительских стандартов в деятельности уголовно-исполнительных инспекций, в частности, на усиление профилактических аспектов в их работе на основе разработки методик индивидуального прогнозирования поведения осужденных, отбывающих наказания или иные меры уголовной ответственности в условиях свободы, обеспечение научной организации труда сотрудников инспекций на основе формирования оптимального штата и функционального распределения обязанностей между сотрудниками внутри инспекций. ■

SUMMARY

In the article the author gives the general assessment of the byelorussian criminal policy after implementation of the criminal code in 1999. It is noted that in the Republic of Belarus there is the critical situation within carrying out such punishment as the freedom restriction.